

О.Н. САВИЦКАЯ
(Волгоград)

**ИДЕОЛОГИЯ
И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ
ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОГО
ВСЕРОССИЙСКОГО БРАТСКОГО
СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА
(1907–1913 гг.)**

Проводится комплексное исследование по истории формирования и эволюции идеологии и организационных основ Православного Всероссийского братского союза русского народа.

Ключевые слова: *Православный Всероссийский братский союз русского народа, православный монархизм, правые политические партии, Саратовская епархия, епископ Гермоген (Г.Е. Долганов).*

Актуальность комплексного исследования проблем формирования и эволюции идеологии Православного Всероссийского братского союза русского народа (ПВБСРН) определяется рядом факторов: отсутствием специальных работ по истории и историографии темы; уникальностью этой региональной политической партии, носившей ярко выраженный клерикальный характер, что позволяет поднять вопросы о пересмотре традиционного для отечественной историографии взгляда на весь правый фланг партийно-политической системы Российской империи в межреволюционный период как однородно «черносотенный», о причинах возникновения такой партии в Саратовской губернии, в которой поликонфессиональность и многонациональность существовали при абсолютном доминировании православных и великорусского этноса и не имели существенных оснований для организации клерикальной политической партии националистического правого толка.

Говоря о факторах, отчасти затрудняющих изучение идеологии ПВБСРН, следует отметить, что православные монархисты уделяли теоретическим вопросам меньше внимания, чем представители большинства других политических организаций. Объективной предпосылкой этого являлась их принадлежность к консервативному партийно-политическому типу, для которого характерна ориентация на сохранение уже существующих структур и норм организации общественной жизни или их частичное улучшение.

Это обстоятельство дополнялось субъективными факторами. Лидеры ПВБСРН – Саратовский епископ Гермоген (Г.Е. Долганов) и иеромонах Илиодор (С.М. Труфанов), будучи священнослужителями, объявляли себя провозвестниками «вечной истины» – учения Православной церкви – и не были склонны к самостоятельным теоретическим построениям. К тому же образовательный и интеллектуальный уровень рядовых членов партии не требовал повышенного внимания к этому вопросу. Помимо того, партия функционировала только в пределах Саратовской губернии, хотя в §1 устава выражалась надежда, что почин ПВБСРН найдет отклик в союзнических организациях других мест [10, с. 6–7]. Региональный характер партийной деятельности предопределил приоритет практической деятельности и тактических установок в ущерб идеологической составляющей.

Изучение истории формирования и эволюции идеологии ПВБСРН сопряжено с необходимостью конкретизировать ряд ключевых понятий, которые используются в статье и традиция употребления которых в литературе выглядит противоречивой либо недостаточно устоявшейся. Понятие «православный монархизм» трактуется как обозначение консервативно-охранительного течения в Православной Церкви и общественно-политической жизни России начала XX в., которое, основываясь на идеях сохранения монархии, возрождения государственных устоев Московской теократии и идеалах «Святой Руси», преследовало цели упрочения особого, господствующего положения Православной Церкви среди других конфессий Российской империи, усиления духовно-религиозного начала в жизни государства и общества и связало их с практикой правомонархического движения.

После первой русской революции православное духовенство было вынуждено признать тот факт, что среди различных политических сил монархическое государство осталось почти единственным, хотя и не всегда надежным союзником Православной Церкви. В связи с этим те священнослужители, которые стремились соединить свое церковное служение и непосредственное участие в деятельности политической партии, примкнули к правому флангу борьбы.

С благословения епископа Гермогена в Саратове был открыт отдел Русской монархи-

ческой партии (по одним сведениям, в ноябре 1905 г., по другим – 1 января 1906 г. [5. Л. 135; 8. Л. 10 об.]). В марте 1906 г. этот отдел присоединился к Союзу русского народа (СРН) [8. Л. 10 об.].

Бликие отношения епархиального духовенства с СРН были прерваны в августе 1907 г., когда саратовскому отделу СРН пришлось резко разойтись с епископом Гермогеном. Негодование архиерея вызвал § 3 Устава СРН, в котором говорилось, что на равных правах с православными в члены Союза могут входить и старообрядцы [11, с. 3]. «Последние, – утверждал епископ Гермоген, – будучи русскими по природе, ни в коем случае не могут быть защитниками Православия, а, напротив, всеми силами готовы противодействовать Православию, у некоторых старообрядцев-сектантов даже нет молитвы за Царя» [3. Д. 121. Л. 1 об.].

В июне 1906 г. на собрании Совета учредителей и членов саратовского отдела СРН по предложению епископа Гермогена было принято постановление об изменении устава для внесения в него «духа религиозного патриотизма» и переименовании Союза русского народа в Православный Всероссийский братский союз русского народа [8. Л. 11]. Принятое решение нарушало существующий устав СРН, по которому его члены обязались не предпринимать никакой организаторской деятельности или изменять и дополнять устав без единогласного решения соединенного собрания Совета учредителей или разрешения Главного Совета СРН в Петербурге. Так Братский союз русского народа образовался параллельно Союзу русского народа.

Устав Братского союза был утвержден 8 июля 1907 г. епископом Гермогеном и 7 августа 1907 г. Саратовским губернским по делам об обществах присутствием [2. Л. 18; Д. 7289. Л. 7]. Многие его положения дословно повторяли устав СРН, но ряд дополнений придавали Братскому союзу во многом самостоятельный характер, без которого были бы невозможными не только успешная самоидентификация членов ПВБСРН, но и принятие ими важнейших организационно-тактических решений.

Всеми делами Братского союза управлял Совет, состоящий из тридцати членов, избираемых собранием членов-учредителей. Одну из выборных должностей председателя или двух его заместителей обязательно должно было занимать лицо духовное.

Братский союз имел право открывать во всех православных приходах отделения с таким же уставом и «с характером самобытно-

сти и широкой самодеятельности». Отделы находились лишь под «общим контролем» и руководством Главного губернского совета и советов в уездных городах.

Рыхлая структура Братского союза, пассивность основной массы его членов представляла епископу Гермогену практически неограниченные возможности для авторитарного управления организацией. Его исключительные полномочия были закреплены в уставе Союза. Так, § 7 гласил, что «покровителем Союза и его почетным председателем состоит епархиальный преосвященный, ни одно важное дело в Союзе не происходит без его ведома, согласия и благословения», а § 14 разрешал Покровителю Союза пересматривать в Совете или на собрании членов и учредителей любые решения, с которыми он не был согласен [7, с. 15, 17].

Идеология Братского союза опиралась на известную трехчленную формулу «православие, самодержавие, народность», дополненную рядом постулатов славянофильства. Православные монархисты, следуя за славянофилами, придавали главенствующее значение религиозной составляющей триады и наполняли ее мессианскими идеями «Святой Руси». В то же время упрочение христианского государства представлялась им проблемой не только религиозной, но и политической. Православные монархисты видели в своем Союзе церковно-общественную организацию с политической программой защиты самодержавия.

Официально Братский союз находился вне ведения синодального руководства, т. к. доктрина Православной Церкви ставила ее «выше» партийной борьбы. Православные монархисты сами не признавали свое объединение как политическую партию [2. Д. 7589. Л. 27].

«Православный Всероссийский братский союз русского народа, – определялось в уставе, – защищая основные начала русской жизни, имеет своей целью направить и утвердить быт родного народа согласно учению Священного Писания и правилам Православной Всероссийской Церкви, в живом, строгом и искреннем подчинении и доверии к ней» [7, с. 9]. Трактуют внесенные в свою программу церковные доктрины как вечные и неизменные истины, православные монархисты провозгласили тем самым приоритет программных целей над конъюнктурой современных им политических задач.

Они не отождествляли существующие в России порядки со своим политическим идеалом и заявили, что самодержавие русских

государей начиная с Петра I было уже не православно-русским, а весьма близким к западноевропейскому абсолютизму, хотя они и продолжали именовать себя самодержавными. Коренным пороком европейского абсолютизма православные монархисты считали преобладание «бездушного» права над духовным началом в государственной жизни. Одной из главных стратегических целей Братского союза признавалось восстановление Земского собора [7, с. 11].

Для правого духовенства было характерно абсолютное недоверие в демократические ценности. В их представлении, человек всегда был частью некоей общности – общины, сословия, народа-богоносца, поэтому индивидуальной «эгоистической» свободе они противопоставляли «свободу христианскую, общую, равную для всех как в Церкви Божьей». Свобода, в понимании православных монархистов, должна основываться на «добровольном подчинении» воле самодержавного монарха и церковной дисциплине.

Политический компромисс в свете проповедования Церковью «вечных» истин рассматривался православными монархистами как «прислужничество» [10], поэтому возможность диалога с другими политическими партиями исключалась. Все либералы (от кадетов до октябристов) были окрещены «политическими беспочвенниками», «манитовцами» за стремление автоматически перенести на российскую почву западноевропейские институты без учета национальной истории [10. № 11. С. 5]. В отношении социалистов утверждалось, что их практическая деятельность (террористические акты, пропаганда классовой и религиозной неприимности) расходится с привлекательными декларациями и что в России нет материального «базиса» для основания «социалистического рая» [10. № 28. С. 8–9].

Православные монархисты всячески подчеркивали «патриотическую» направленность своей деятельности и заявляли о своем монопольном праве на трактовку этого понятия. Они предпочитали именовать себя «патриотами», «истинно русскими людьми» и противопоставляли «истинный духовно-религиозный» патриотизм патриотизму «языческому», в котором любовь выражается только к Отечеству. «Напрасно кто хотел бы думать, – утверждалось в "Саратовском духовном вестнике", – что можно быть полезным членом общества и вместе плохим членом Церкви. Гражданин то же, что и христианин» [10. 1906. № 47–48. С. 8].

Каждый раз, приветствуя роспуск Государственной думы, православные монархисты отмечали отношение парламента к проблемам Православной Церкви. И всякий раз с горечью констатировали, что церковные вопросы в Государственной думе не столько решались, сколько «осквернялись» безбожной интеллигенцией.

Обновление Православной Церкви православные монархисты видели в возрождении ее допетровского соборного канонического устройства, которое, однако, не должно допускать демократизации внутренней жизни Церкви (наделения прихожан правом голоса в решении церковных вопросов, выделения духовенства от низшего клира до патриарха, автономии духовных учебных заведений и т.п.). «Вавилонское пленение» Церкви бюрократией, в представлении православных монархистов, могло быть уничтожено только восстановлением патриаршества, т. к. патриархи выступали «заступниками» за народ и Церковь перед «земным тронном». Можно утверждать, что правое духовенство выступало за консервативный вариант церковных реформ.

Возрождение былого влияния Церкви на жизнь государства и общества напрямую связывалось с развитием правомонархического движения в России. Свою записку IV Всероссийскому монархическому съезду, проходившему в апреле 1907 г. в Москве, епископ Гермоген озаглавил «Спасение России и русского народа в православных Братствах через веру и Церковь» [3. Л. 8]. В ней он критиковал СРН за «безразличное» и «поверхностное» отношение к вопросам веры и призывал светские правомонархические союзы «всцело войти в ограду Церкви».

Разобщенные светские союзнические организации в записке предлагалось объединить во Всероссийское Братство Животворящего Креста Господня, задача которого заключалась бы в обновлении «если не целого государства, то для начала <...> церковного прихода <...> как первоначальной ячейки государства, как особого автономного Братства» (Там же. Л. 13 об.). Новое церковно-общественное объединение должно было стать своеобразным фильтром для отбора лучших кандидатов в члены СРН как политической организации. «Тогда, – писал епископ Гермоген, – политическая деятельность будет исходить от лиц, имеющих глубокую связь с Церковью, будет направляться и осуществляться искренними ревнителями – ее сынами и послушниками» (Там же. Л. 14 об.). И хотя предложение сара-

товского епископа не было принято на съезде, этот проект лег в основу создания ПВБСРН.

Самым уязвимым местом программы Братского союза стал раздел по социальным вопросам. Проблему устройства народного быта предлагалось разрешать на основе Евангелия, что означало перенесение основного центра тяжести на развитие христианской благотворительности (открытие больниц, богаделен, приютов, домов трудолюбия, кооперативных товариществ и т.п.) [7, с. 12–13]. Дискуссии о путях социально-экономических преобразований в России православные монархисты переводили в плоскость национальных отношений. Они утверждали, что «засилье инородцев», враждебно относящихся к русскому народу, сдерживало развитие национальной экономики.

Правое саратовское духовенство последовательно выступало за сохранение крестьянской общины, которая одновременно играла роль церковного прихода. Насаждаемые столыпинской реформой хутора и отруба, по их мнению, способствовали падению православных ценностей в народной среде. Оторванные от приходского храма, хуторяне легко становились «добычей и жертвой пропагаторской деятельности» сектантов и революционеров [Оп. 442. Д. 2353. Л. 62]. Часть из них разорялась и превращалась в пролетариев, «зараженных инородческим социализмом». Кроме того, хутора подрывали и без того шаткое материальное положение священнослужителей. Обязательства по материальному обеспечению духовенства для вышедших из общины автоматически упразднились. Оставшиеся члены общины оказывались зачастую не в состоянии содержать церковно-приходский клир (Там же. Д. 2480. Л. 8 об. – 9 об.). Отдельные правые священнослужители доходили даже до отрицания частной собственности на землю [2. Д. 7589. Л. 295–295 об.; 10]. Саратовские октябристы обвинили их в «аграрном коммунизме». Однако подобные взгляды не стали пунктом официальной программы Братского союза.

Отпечаток церковности прослеживается и на решении правым духовенством национального вопроса. П.Н. Миллюков, известный историк и лидер кадетской партии, утверждал, что «православные традиционалисты считают веру не только делом личной совести, но и неотъемлемой чертой национальности» [6, с. 57]. В программе Братского союза вслед за декларацией о главенствующем и первенствующем положении Православной Церкви в империи шло особое положение о «первенствующем значении» русской народности, «собирающей земли русской, создавшей великое и могущественное государство» [7, с. 11]. Все иноверцы и инородцы воспринимались православными монархистами как «еретики», «интернациональные захребетники» и потенциальные участники жидо-масонского заговора против России.

Стержнем программы Братского союза по национальному вопросу был антисемитизм. Единственным правом, признаваемым православными монархистами за евреями, было право «не иметь никаких прав» [10. 1908. № 17. С. 6]. Правое духовенство видело в них потенциального соперника русских на роль «богоизбранного» народа (Там же. № 42–43).

Предусматриваемые уставом формы и методы работы Братского союза ничем не выделяли его среди других церковно-общественных организаций: открытие церковно-приходских школ, устройство религиозных чтений, собраний, бесед, распространение книг и брошюр соответствующего направления, издание своих газет, журналов и т.п. [7, с. 12].

Не последнюю роль в создании массовой базы православно-монархического движения в Саратовской губернии сыграл харизматический авторитет его лидеров – иеромонаха Илиодора и епископа Гермогена. С удалением их из епархии инертная и пассивная масса членов многочисленных церковных братств и союзов распалась. Православный Всероссийский братский союз русского народа официально прекратил свое существование в 1913 г. [4; 2. Д. 7289. Л. 7]. Новое епархиальное руководство не поддержало методы пасторского служения предыдущего владыки. С началом Первой мировой войны правое саратовское духовенство вынужденно было искать применение своей общественно-политической активности в рядах местного отдела Русского Народного Союза имени Михаила Архангела [1, с. 35–36].

Литература

1. Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы. М.; Л., 1925.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 112.
3. ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 102.
4. ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 112.
5. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 913.
6. Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2.
7. Православный Всероссийский Братский Союз Русского народа (Пробуждение религиозного и патриотического духа Народа Русского; Устав Союза; дух и смысл братского национального объединения русских людей). Саратов, 1911.

8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 189. Д. 8393.

9. Саратовский листок. 1908. № 236. С. 4.

10. Саратовский духовный вестник. 1907. № 13. С. 8.

11. Устав общества под названием «Союз Русского народа». СПб., б/г.

Ideology and organizational foundations of the Orthodox All-Russian brotherly union of the Russian people (1907-1913)

There is carried out the complex research of the history of formation and evolution of the ideology and organizational bases of the Orthodox All-Russian brotherly union of the Russian people.

Key words: Orthodox All-Russian brotherly union of the Russian people, Orthodox monarchism, right-wing political parties, Saratov eparchy, bishop Germogen (G.E. Dolganov).

М.С. МЕЛЬНИКОВ
(Волгоград)

ГЕРМАНОФОБИЯ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 10-х гг. XX в.

Анализируется германофобия как важный фактор британской антинемецкой пропаганды в контексте ужесточения политики в области международных отношений между Великобританией и Германией перед Первой мировой войной.

Ключевые слова: Великобритания, Германия, общественное мнение, международные отношения, германофобия, Первая мировая война.

Начало XX в. в европейском обществе характеризовалось радикализацией общественного мнения. Самые различные слои общества реагировали на происходящие в мире события, начиная от Англо-бурской войны и заканчивая Первой мировой войной. Исключением не стала и Великобритания. Особенно остро в обществе стоял вопрос отношения к Германии и вообще всему немецкому. С одной стороны, совершенно отчетливо виден рост националистических, и даже шовинистических настроений в Соединенном королевстве, который не

только проявлялся внешне, но и сказывался на внутренней политике. События и явления в международных отношениях в нулевых годах XX в. подготовили и сделали возможным рост подобных радикальных националистических настроений, выразившихся главным образом в антигерманской позиции: пропаганда во время Англо-бурской войны, отношение к увеличению военно-морского флота Германии, постоянные международные демарши германского правительства в колониальной сфере. С другой стороны, наблюдался рост интернационализма, в первую очередь в среде рабочего движения, однако созданная в 1900 г. Лейбористская партия не всегда поддерживала в своих сторонниках эту традиционную для левых движений платформу. Кроме того, в Великобритании, у которой были давние культурные, экономические и политические связи с немцами, находились и сторонники более тесного союза с Германией. Однако германофобия носила более масштабный характер в сравнении с германофилией. В обсуждение «германского вопроса» оказались втянуты король, члены его семьи, близкие друзья королевской семьи, видные военные и государственные деятели, члены Парламента и правительства, газеты и общественные деятели.

Судя по дневникам короля Георга V, замечаниям его биографа и воспоминаниям приближенных, монарх не любил заграничные поездки, международные отношения его мало интересовали. В такой сложной области, как англо-германские отношения, подобное хладнокровие было весьма полезно, хотя, судя по дневникам членов королевской семьи, по разным причинам в них культивировалась германофобия. В частности, королева Александра, мать короля Георга V, писала о кайзере Вильгельме II: «Это безумный и тщеславный осел, который считает, что к нему относятся без должного уважения как к императору древней и могущественной Германии. Я надеюсь, что это великопение когда-нибудь развалится, чему мы все будем только рады!» [2, с. 272]. Смерть короля Эдуарда VII 6 мая 1910 г. вызвала в прессе надежды на скорое улучшение англо-германских отношений и уменьшение антигерманской кампании в британской прессе [8. 1908. 280 ст.; 1914. 18 Aug.]. Несмотря на дружеские объятия и соответствующее этикету поведение императора Вильгельма во время траурных мероприятий, общественное мнение все-таки оставалось негативным